

Людмила Феррис
Своя на чужой территории
Серия «Журналистское
расследование (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38978329

Своя на чужой территории: [роман] / Людмила Феррис: Эксмо;

Москва; 2018

ISBN 978-5-04-097688-1

Аннотация

Журналистка Юлия Сорнева получила от главного редактора задание – написать статью о съемках популярного телесериала. Юлия была в восторге: задание интересное, актеры просто душики, красавчик Алексей Погудин начал за ней ухаживать, продюсер сериала стала ее лучшей подругой, а потом Юле с коллегой предложили принять участие в съемках. Разве это не мечта любой девушки? Вот и Юлия так думала, пока чуть было не оказалась подозреваемой в убийстве! Задушенного оператора Алика Царева никто не любил – очень уж неприятный он был человек. Что же теперь делать Юле: продолжать писать статью или попытаться самой отыскать убийцу?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	60
Глава 7	70
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Людмила Феррис

Своя на чужой территории

© Феррис Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Планерка была в разгаре. За окном хмурилась поздняя осень, а настроения среди сотрудников редакции царили самые что ни на есть минорные. Причиной тому был спич бессменного главного редактора газеты Егора Петровича Заурского. Принципиального Егора Петровича возмущала нехватка в журналистских материалах глубины и анализа. Собственно, назвать речь главреда спичем в строгом смысле слова было нельзя, ибо классический спич есть застольная речь. Но в этом отчасти и заключалась причина невеселого настроения сотрудников: никаким застольем в редакции и не пахло. Не признавал Заурский редакционных сборищ, гульбищ и пьянок, как водилось в других творческих коллективах. В газете «Наш город» из напитков разрешались только чай и кофе.

– Голова у журналиста должна быть светлая, свободная от винных паров! По крайней мере, на работе! – не уставал повторять главред.

Хотя, может быть, именно благодаря этой суровой этике ответственный секретарь газеты Мила Сергеевна и именовала любое его выступление спичем – так ей казалось солидней.

– Где объективность? Где разные точки зрения на события? Где эксклюзивные материалы? – строго спрашивал

главред.

Журналист Юлия Сорнева слушала Егора Петровича внимательно, но соглашаться со сказанным не спешила. Юлии слова главреда казались не вполне справедливыми. Конечно, рассуждая чисто теоретически, будущее газеты «в широте и глубине» – в широте охвата текущих событий и глубине взгляда на них же, на события то есть. Но, к сожалению, газета зачастую не выдерживает конкуренции с телевидением и Интернетом. В газете нет живой картинки, как на телеэкране, и, расписывая журналистское расследование, газетчику надо постараться, попотеть в поисках убедительных слов и ярких сравнений, чтобы читатель «увидел» события так, как будто сам был их очевидцем. Телевизионщику в этом смысле гораздо легче: включил камеру – и отдыхай. Непросто нынче газете выживать – тиражи колеблются, поэтому и нервничает Заурский, поэтому и взывает к коллегам, будто на митинге:

– Надо искать необычное в обыденном!

Юлька повернула голову и посмотрела в окно: она любила осень, яркое, колдовское буйство красок, когда янтарного цвета листья, плывущие по лужам, становятся похожими на сказочные корабли, отправляющиеся в дальнее плавание. Девушка снова перевела взгляд на главреда, а потом на свои ноги. Ну почему не достались ей длинные и красивые ноги, как у моделей? Почему она какая-то «среднестатистическая», заурядная: ничего запоминающегося. Средний рост, тонкая кость, обычные светлые короткие волосы с модной

асимметричной стрижкой и большие серые глаза. Таких девочек сотни и сотни. Подруги говорят, что у нее замечательная, искрящаяся улыбка, как будто изнутри зажигается фонарик. Хотя ее коллега и друг Вадик утверждает, что в человеке важна не внешность, а харизма, которой у Юльки – хоть отбавляй. Мужчины реагируют на внутреннее состояние женщины, поэтому красивые ножки совсем не воронка для захвата их внимания. Юлька молча соглашалась, потому что все равно других ног у нее уже не будет. А так хотелось! Она бы и на работу тогда приходила не в джинсах и ботиночках, а исключительно в мини-юбке и на высоких каблуках. Хотя ее новые красные ботиночки тоже смотрятся обалденно.

Егор Петрович разошелся. Все его «спичи» были похожи, как апельсиновые дольки: сначала претензии к коллективу, затем шеф сформулирует свои предложения «в общем», а потом уже перейдет к постановке конкретных задач перед сотрудниками. Все это Юлия уже выучила наизусть. Да нормально все будет с газетой! Зря он так рвет душу! Хотя Зурский по-другому работать не умеет – только на износ, считая это благом для себя и окружающих. Вон в Америке ежедневно издается около двух тысяч газет и ничего капиталистам не делается, работают себе в удовольствие, учат читателей находить ответы на все вопросы в печатных изданиях, а от журналистов требуют писать покороче, но непременно подкрепляя сказанное графикой – карикатуры там всякие,

комиксы по мотивам самых злободневных тем.

– Сорнева! Я, между прочим, и для тебя говорю, – не выдержал главред. – А ты где-то в облаках витаешь!

– Егор Петрович! Я вас внимательно слушаю! – начала оправдываться девушка.

– Она теперь у нас «гламурная» журналистка, – язвительно прошептал сидящий рядом журналист Вадик Тымчишин. – Ей слушать не обязательно...

Мила Сергеевна, конечно, услышала его шепот и поддакнула. Так же тихо.

– Точно-точно! Гламурная стала, звездная...

– А-а-а, завидуете? – отшутилась Сорнева.

Вот пристали! Теперь ей прохода не дают. А кто, спрашивается, виноват в том, что именно ей, Юлии Сорневой, пришла в голову такая красивая идея? Произошло это аккуратно после «восьмимартовских» редакционных посиделок, когда Егор Петрович презентовал женской половине редакции огромный торт-красавец со словами:

– Пек лично всю ночь! Для вас, дорогие мои!

Все, конечно, понимали – торт испекла жена главреда, Виктория Александровна. Но хуже-то подарок от этого не становился. Торт оказался просто объединение: нежнейший бисквит, тающий шоколадный крем и восхитительные украшения – пышные белоснежные сливки в сочетании с затейливым шоколадным кружевом, а венчала все это великолепие цифра «восемь», сделанная из сахарно-розовой масти-

ки. Редакционные девчонки от мала до велика, напроочь забыв про свои диеты, с аппетитом уплетали изысканный десерт. Даже Мила Сергеевна, которая худела, так сказать, хронически и была истовым адептом культа салата рукколы, тоже не выдержала.

– Я только совсем маленький кусочек... один малюсенький кусочек... – жалобно уговаривала она себя, отрезая при этом вполне приличный ломоть торта.

– Получайте удовольствие, Мила Сергеевна! Поедание травяной зеленки может ведь и сказаться на умственной деятельности, – подкалывал ее Вадик.

– Да ну тебя! – отмахнулась женщина.

Тогда, воспользовавшись хорошим настроением коллег и общей расслабленностью, неизбежно возникшими в процессе праздничного чаепития, дальновидный Егор Петрович завел разговор о приближающемся Дне дурака, первоапрельских веселых шутках и розыгрышах. Нет, мол, пока никаких подходящих идей для газетных публикаций. Просто никаких. И тут Юльку осенило. Осенило внезапно, словно в мозгу вспыхнула лампочка. Возможно, виной тому был кондитерский шедевр и ни с чем не сравнимое удовольствие от его поглощения. В любом случае на мгновение Юлька почувствовала себя гением. Хотя у творческих людей такое случается.

Накануне Юлька случайно посмотрела серию популярной «полицейской» кинодрамы. Назывался сериал «На темных

улицах», а лицо одного из актеров – Михаила Оленина – показалось Юльке очень знакомым. И только сейчас, дожевывая кусок торта, она поняла: актер Оленин, он же персонаж лейтенант Олейников, как две капли воды похож на их мэра Андрея Бударгина. Ну просто близнецы-братья! Как это она раньше не заметила?! – У мужчин один и тот же удлинённый овал лица, узкий правильный нос, выраженные скулы, длинные пальцы и глаза, яркие, синие, словно в них плещется море и невозможно оторвать взгляд. Они оба чем-то напоминали римских аристократов времен Юлия Цезаря, то ли гордой посадкой головы, то ли манерой разговора, а может, присутствием той самой харизмы.

Есть! Есть идея, Егор Петрович! Как раз для первоапрельского выпуска. Смотрите сюда... – Она подскочила к компьютеру, набрала в строке поиска название сериала и вывела на экран фотографию актера. – Вот!

– Сорнева! Вот – это что? – не сразу понял Заурский. – Объясняйся понятней!

– Чтобы нам, дуракам, тоже было понятно, – съязвил Тымчишин, разглядывая фотографию.

– Егор Петрович! И вы, ребята, смотрите внимательно! Кого вам напоминает актер Михаил Оленин, он же отважный лейтенант Михаил Олейников?

– Не удосужились даже имя персонажу новое придумать! – возмутилась Мила Сергеевна. – Оленин-Олейников... Это почти одно и то же! Ну киношники, сплошные

халтурщики!

– Он похож на нашего Бударгина, – вдруг оживился главред. – Так-так! Уже интересно!!! Лицо точно как под копирку. Почему я не увидел сходство раньше?!

– И мы дадим в первоапрельском номере статью: наш мэр и актер Оленин – двоюродные братья. Как вам? – Юлька начала развивать понравившуюся идею. – Сделаем на первой полосе коллаж из их фотографий – фамильное сходство налицо, так сказать. Придумаем историю про детство – как росли вместе, теперь общаются не так часто, как хотелось бы, поскольку оба занятые люди, и еще что-нибудь для привлечения читателей. Потом, конечно, опровержение дадим. Мэр у нас вроде человек понятливый, с чувством юмора... А Оленин или Олейников... Он никогда и не узнает о нашей публикации. Где мы, а где Москва? Ну, или Питер! А мы в Сибири!

– Ну умница, подруга! – опередил коллег Вадим Тымчишин. – Красава-идея! Лучше не бывает! Горжусь твоей головой! Умница! А похожи ведь! Может, будто их правда одна мать родила?

– Ага, или у них один отец. Индийское кино, серия первая, – парировала Юлька.

– Тогда в следующем номере напишем: это была первоапрельская шутка, спасибо, дорогие читатели, что оценили и посмеялись вместе с нами, – заключил Егор Петрович. – Ну молодец, Сорнева, молодец! Газета разойдется влет.

Юлькина идея пришлась как нельзя кстати. Первое апреля наступило, статья и правда получилась цепляющей. Но вот случившееся после публикации... Такого ни главред, ни Юлия не ожидали. Статья вызвала множество позитивных откликов, причем даже после появления шуточного опровержения некоторые читатели никак не желали верить в отсутствие родственных связей между мэром и известным актером. Самому мэру шутка тоже понравилась – его друзья и даже теща искренне радовались новому «родственнику» и спрашивали, почему мэр не рассказывал об этом раньше. В общем, обсуждали статью долго.

А потом Егора Петровича Заурского пригласили к Бударгину на аудиенцию. Естественно, все грешили на статью, и Юлька начала волноваться. Мало ли что! Люди у власти, они ведь ненадежные, особенно по отношению к журналистам. Сегодня могут симпатизировать, а завтра подвергнут жесткой обструкции. Однако вскоре выяснилось, что опасалась она напрасно – главред с аудиенции вернулся довольный и сразу пригласил Сорневу в свой кабинет.

– Ну, Юлька, с тобой не соскучишься! Давно так не смеялся!

– Егор Петрович, не томите! Я так за вас переживала...

– И зря! Мэр наш оказался большим оригиналом – ему твой материал очень понравился! Смеялись вместе. Теперь просит связаться с актером Михаилом Лениным и пригласить его к нам на День города. То-то народ порадуетя!

– Нас просит? – удивилась Юлька. – У него же куча народу без дела болтается... Пресс-служба большая, отдел культуры, наконец. Вот пусть они актера и ищут. На каких условиях мы его приглашать будем?

– Не получится отвертеться, Юлечка, – вздохнул главред. – Я уже обещал.

– Ну вот здрасте, Егор Петрович! Идею придумай, статью напиши, а потом еще и сказку сделай былью сам! Так получается? Вы наказать меня за инициативу решили?

– Да нет же! – Егор Петрович продолжал оставаться в хорошем расположении духа. – Газета, в твоём лице, но с моей помощью, берётся организовать встречу актера с жителями нашего города. Оплачивает все администрация. А мы еще и право на эксклюзивное интервью получаем: невозможное возможно, надо только уметь мечтать и так далее. Уж не откажите, госпожа Сорнева!

– А можно еще и билеты на творческую встречу среди читателей разыграть! – как настоящая журналистка, Юлия уже включилась в работу.

– Вот это дело! Надо еще подумать... из такой ситуации для нашей газеты можно много чего полезного выжать... Молодец ты, девочка! Ей-богу, молодец!

– Ой, Егор Петрович, умеете вы уговаривать! – польщенно засмеялась она.

И Юлия приступила к поискам актера Оленина. Поначалу казалось, выйти на след знаменитости будет легче легкого.

Но на самом деле... Весь день Юлия «провисела» на телефоне. Первый звонок она сделала на телеканал, транслировавший сериал «На темных улицах». Там ей дали номер телефона, по которому никто не отвечал, потом еще один номер, а потом еще и еще. «Не на ту попали! Я все равно справлюсь!» – убеждала себя обескураженная Юлия. Несколько часов журналистка не расставалась с телефоном и бесконечно набирала одни и те же номера, после чего ей наконец повезло. Девушка, ответившая на звонок, представилась и, кажется, была готова поговорить с Юлией:

– Добрый день, вы разговариваете с Луизой Юнис. Я со-продюсер проекта «На темных улицах».

– Только не бросайте трубку! – жалобно попросила Юля. – Выслушайте меня, пожалуйста!

– Да пожалуйста... – охотно согласилась Луиза.

Юлька начала рассказывать про статью в их газете, про удивительное сходство мэра и актера Оленина, заикнулась и про приглашение на творческий вечер к ним на День города, но разволновалась, и вышло как-то не очень понятно. Сумбурно и скомканно.

– Девушка, теперь послушайте меня, – прервала ее обладательница затейливой фамилии Юнис. – Я ничего не поняла. Кто на кого похож, какой мэр и при чем тут Михаил Оленин? Впрочем, ладно. Мы сейчас как раз обсуждаем съемки на натуре... В одном из сибирских городов, недели на две-три. Если ваш мэр готов нас принять, можем приехать имен-

но в ваш город. Проблем с творческой встречей не будет. Но, конечно, не бесплатно! Все расходы оплачивает принимающая сторона. Плюс гонорар Михаилу. Вы готовы? Если да, начнем обсуждать условия. А там разберемся, с кем встречаться и кто на кого похож.

– Готовы! Конечно, готовы! – Юлька аж запрыгала на стуле и закричала, обернувшись к Тымчишину: – Вадик! Я их нашла! Актера нашла, и они к нам приедут! Ура!!!

– Ну кто бы сомневался! Сумасшедшая ты наша! – в привычной манере отреагировал тот.

– А раньше говорил, я умница! – притворно обиделась Юля.

– А я не отрицаю! Ты и есть сумасшедшая умница! – «отбил подачу» Вадик.

Дальше действие разворачивалось как в кино – множеством событий на единицу времени. Юля познакомилась кое с кем в городской администрации, в трехстороннем порядке обсудили условия размещения звездных гостей – ничего из ряда вон выходящего, приверед в съемочной группе не оказалось, и вот наступил день «икс»: на солидном служебном минивэне они с Вадиком отправились в аэропорт встречать знаменитостей из Северной столицы.

Актеров Михаила Оленина, Алексея Погудина и Настю Капцову они узнали сразу. Еще в группе было два оператора и помощница-гример. Луиза Юнис оказалась миниатюрной яркой брюнеткой с синими глазами и сразу заговорила с

Юлькой так, как будто они были знакомы тысячу лет.

– А мы все в ваш автобус уместимся? У нас два оператора, помощница и техника...

– Еще как уместитесь! – поспешила успокоить Луизу Юлька.

По дороге из аэропорта она наконец рассказала историю про то, кто на кого похож и почему актеры приглашены в гости именно в их сибирский город. Первоапрельская газетная «утка» про «близнецов-братьев» всех рассмешила, и в первую очередь, самого Михаила Оленина.

– Ну вы даете, ребята! Просто фантазеры. Классная, красивая идея! Вот мне бы и в голову такое не пришло.

Вообще, питерские знаменитости показались Юле очень приятными и интересными людьми. Никаких понтов, никакого выпендрежа! «Звездная болезнь» в легкой форме была только у Насти Капцовой – девушке все время хотелось выделиться и показать себя в лучшем свете, но ей это удивительно шло и никого не напрягало. Внешностью Настя однозначно выделялась, словно была с другой планеты: длинная коса и бледная кожа контрастировали с черными, как угольки, раскосыми глазами, будто «неизведанными озерами души».

Первый день высадки «творческого десанта» был посвящен общению с мэром, а на следующий запланировали встречу с горожанами в кинотеатре.

Как-то так само собой получилось, что Юля сопровожда-

ла артистов везде, словно была администратором их группы.

– Егор Петрович, я так с ними устаю, – пожаловалась она главреду.

– Юля, ну ты уже такое провернула... еще две недели пережить можно. Тем более ты не просто смотришь, как идут съемки, а материал готовишь.

Коллеги начали подтрунивать над Юлей, называя ее светской обозревательницей и расспрашивая, интересно ли ей освещать жизнь звезд телеэкрана.

– Ты только не зазнавайся, Сорнева, – ерничала Мила Сергеевна. – Сегодня мы, журналисты, пишем про звезд, а завтра опять про унитазаы, лопнувшие трубы и другие коммунальные проблемы.

– Мила Сергеевна, некогда мне зазнаваться, у меня работы завал! Второй съемочный день. Завтра нужно с машинами договориться, в ущелье народ отвезти. Все необходимо делать в темпе, все успеть.

– А они тебе платят за помощь?

– Не смешите меня, Милочка Сергеевна! Но мне зато Егор Петрович усиленный гонорар обещал.

Поскольку шутки по поводу Юлькиной общественной нагрузки не прекращались, то она просто перестала обращать на шутников внимание. Вот и на сегодняшней планерке ехидное замечание Вадика предпочла пропустить мимо ушей. Только бы главред не заметил, что из-за всех этих хлопот она не может сосредоточиться на своих рутинных обя-

занностях. Главред тем временем продолжал мотивировать сотрудников:

– Материалы должны быть глубже и готовиться тщательней!

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату ворвалась встревоженная секретарь Валентина:

– Юля! Сорнева! Тебя срочно к телефону!

– А позже нельзя? После планерки? Там «горит»? – Главред не любил неожиданностей, не любил, когда ход планерки прерывался вот так, незапланированным появлением сотрудников.

– Там что-то случилось, Егор Петрович! – Валентина страшилась гнева начальства, но дело было действительно важным.

Выйдя следом за Валентиной в приемную, Юля взяла трубку. Звонила Луиза Юнис и прямо-таки захлебывалась от крика:

– Юлька! Юлька! Срочно приезжай в гостиницу! У нас труп! Юля, ты меня слышишь?! Я не знаю, что делать! Представляешь, у нас труп?

Глава 2

Второй съемочный день начинался вполне обычно. Настроение у сопродюсера Луизы Юнис было великолепным, коль в своих предположениях она не ошиблась.

Дело в том, что сериал «На темных улицах» демонстрировался на телевизионных экранах уже несколько лет и начинал вызывать вопросы у инвесторов. В смысле, а не прикрыть ли надоевший проект, который становится убыточным? Когда сериал только стартовал, он одним из первых начал воспевать романтику профессии, а потому служил инструментом героизации полицейских и их работы. Логика была такая: бандиты, конечно, круты, но если полицейские их ловят и обезвреживают, значит, полицейские еще круче. Это Луиза прекрасно понимала. Но время шло, и появлялись десятки «клонов» – историй о хороших полицейских, воюющих со злом. И в каждом новом сериале сценаристы изощрялись все больше и больше, воплощая то самое «зло» во все новых и новых формах. Поэтому рейтинг «На темных улицах» стал снижаться, зрительский интерес угасал и проект оказался под угрозой закрытия. Собственно, как и множество других. Рейтинг, как известно, – один из самых важных критериев, по которому определяют, жить дальше фильму или не жить. Съемки некоторых киноисторий, стартовавших одновременно с «На темных улицах», уже прекратились.

Накануне звонка Юлии Сорневой продюсеры приняли решение: снять еще пять серий, а потом взять паузу и посмотреть, как отреагирует на это зритель. А зритель вполне мог и не заметить исчезновения «На темных улицах» с экрана, что означало... В общем, уже ясно, что бы это означало. Поэтому выезд на натуру, в красивый сибирский городок, где актеров почти с оркестром и красной дорожкой встречала местная администрация, оплачивая гостиницу, транспорт и питание, показался Луизе подарком судьбы.

Отвечая на звонок девчонки-журналистки из далекого сибирского городка, Луиза как-то сразу прониклась к ней доверием и симпатией. А заодно поняла, что это ее, Луизы Юнис, личный шанс. И таки уговорила руководство снимать последние пять серий именно в Сибири. Рассчитывая, само собой, на возрождение высоких рейтингов. Луиза схватила удачу, как голодная щука хватает наживку, и отпускать не собиралась. Из «топовых» фигур их продюсерского центра ехать в Сибирь не захотел никто. Поэтому Луизу отправили в командировку старшей творческой бригады, а режиссер как-то не очень убедительно пообещал вскоре «подлететь». Для Юнис это был фарт, чистое везение! А еще прибавьте к этому действительно феноменальное внешнее сходство актера Мишки Оленина с главой города! На таком необычном совпадении можно было неплохо заработать всей съемочной группе. Так чего гневить бога!

Луиза Юнис работала «в сериале» год, и только три ме-

сяца назад стала называться сопродюсером. И это была ее первая самостоятельная командировка. Она была настроена стараться изо всех сил и дать продюсерскому центру понять, что может приносить пользу и деньги.

На самом деле ничего особенного в должности сопродюсера не было. Луиза должна была помогать режиссеру и исполнительному продюсеру. Все другие продюсеры – линейный, административный, креативный, ассоциированный – считались куда главнее ее. Но это Луизу не смущало – она очень любила кино и мечтала о нем с детства.

У нее были замечательные папа и мама, которые преподавали экономику в престижном питерском университете. Казалось бы, единственная дочь была «обречена» стать экономистом, но неожиданно для родителей Луиза взбунтовалась:

– Я не хочу быть экономистом! Мне скучно с цифрами.

– Какая скука, Луиза?! Экономист сегодня – это востребованная и хорошо оплачиваемая профессия! – Папа действительно говорил правду.

Но дочку не так просто было сбить с толку.

– Папа, ты не на лекции! Услышь меня, пожалуйста! Я не хочу быть экономистом! Мне не нравится эта работа. Не нраа-виит-сяяя!

– Хорошо, – папа считал себя демократом. – И кем ты хочешь быть?

– Я хочу сниматься в кино, быть актрисой.

– Ребенок, ты сошла с ума? Разве у тебя есть задатки для

этой профессии? Да и какая это профессия? Будешь всю жизнь зависеть от прихотей режиссера! Конечно, будущая специальность – это твой выбор, твое решение. Но и мнение родителей нужно учесть.

Луиза понимала: никакого права на «собственное решение» у нее нет, придется «пробивать» его, как снегоочиститель пробивает дорогу после бурана. Еще девушка, как ни горько было в этом признаваться, осознавала и отсутствие у себя настоящего таланта. Тут папа прав, нет у нее задатков актрисы, а одного желания мало. Поэтому Луиза поступила на юридический факультет, закончила его и устроилась юрисконсультантом к папе в университет.

Работать юрисконсультантом оказалось невероятно скучно. Каждый день как предыдущий – скука, серость, тотальная предопределенность и гнетущее понимание того, что и следующий день будет точно таким же. Поэтому, когда Луизе попало в газете незамысловатое объявление «Для работы над телевизионным проектом требуется помощник администратора», она ни секунды не сомневалась и сразу же решила поехать по указанному адресу.

Продюсерский офис располагался в историческом центре. Угрюмый охранник молча показал на нужный кабинет пальцем. Луиза аккуратно постучала в дверь. За дверью обнаружилась полупустая комната с большим прямоугольным столом и компьютером. За компьютером на продавленном стуле сидел неопрятный и небритый мужчина в мешковатом сви-

тере. Удивительно, но эта неряшливость, равно как и щетина, не раздражали, а казались стильными, делали мужчину особенным.

– Я по объявлению! Хочу устроиться помощником администратора в новый телевизионный проект, – бойко произнесла Луиза.

– Ну, скажем, не такой новый... Это в объявлении напутали. А что мы умеем? – поинтересовался мужчина. – У вас есть опыт работы в киноиндустрии?

– Нет! Но у меня есть высшее юридическое образование. И большое желание! Я вам пригожусь, – заверила его Луиза.

– Пригодишься?! – удивился собеседник. – А что же, адвокат из нас не получился? В кино тянет?

– Тянет, – согласилась девушка.

– Плохо дело, – подытожил бородач и вновь уставился на экран компьютера. – Кино – это сумасшедший дом, а в сумасшедшем доме долго находиться нельзя, сам сойдешь с ума. Соображаешь?

– Соображаю. Но все равно очень хочу.

Луиза замолчала. Аргументы закончились, что делать дальше, она не знала. Мужчина подтянул слишком длинные рукава свитера, почесал заросший подбородок и оторвался от монитора.

– Как звать?

– Луиза Юнис.

– Это псевдоним или настоящие ФИО?

– Настоящие. Юнис – такая фамилия и в паспорте.

– А я Матвей Усольцев. Будем знакомы. Ну что же, несостоявшийся адвокат Луиза! Возможность сломать шею об киношные препятствия у тебя появилась. Жду завтра к десяти, и не опаздывать!

– Спасибо! Матвей... как ваше отчество?

– У нас без отчеств. Матвей, и точка.

– Спасибо вам, товарищ Матвей!

Домой девушка не шла, а летела на крыльях счастья. Она будет работать в кино! Родителям было объявлено: она нашла более интересную работу и поэтому из их института увольняется.

– Претензии родителей не принимаются! Я уже большенькая, – расхрабрилась Луиза.

– Может, тебе еще раз все взвесить и хорошенько подумать? – Папа начал волноваться.

– Папа, прежде чем принять решение, я хорошо подумала! Не волнуйтесь. Ваша девочка не по годам разумна и рассудительна, но ей скучно работать юрисконсультком.

Тут папа вновь вспомнил о «самостоятельном решении», но Луиза уже хорошо знала, что последует за папиной фразой: ее будут убеждать еще подумать, а потом отказаться от того самого «самостоятельного решения». Поэтому, собрав волю в кулак, Луиза заявила:

– И вообще! Мне пора начинать самостоятельную жизнь, оторваться от вашей «пуповины», а то вы меня задушите

своей любовью и опекой.

И вскоре съехала от родителей, сняв квартиру поближе к новой работе.

Мечта сбылась – нынче она принадлежала к миру тех волшебников, что «делают кино». Киновселенная открывалась для Луизы постепенно, шаг за шагом, пробуждая фантазию и вызывая бурю чувств и эмоций. Некоторые ожидания сразу оправдывались, а другие возникали в новом качестве, реальность словно меняла цвет, из серой становясь яркой, красочной, и это только подогревало воображение.

– Фильм – это жизнь, с которой вывели пятна скуки! – Матвей Усольцев частенько цитировал бессмертного Альфреда Хичкока.

С Усольцевым было невероятно интересно, и эта интересность возрастала каждый день, как скорость самолета при наборе высоты. Классический образ, возникающий в воображении почти каждого при упоминании слова «кинорежиссер» – человек, размахивающий руками и отдающий в рупор команды актерам, к Матвею не имел никакого отношения. Да, режиссером оказался именно Усольцев. Однако голоса на съемочной площадке он никогда не повышал. Матвей вообще был какой-то домашний, спокойный и рассудительный. Если бы Луиза не знала, что он режиссер популярного криминального сериала, то на улице запросто приняла бы за скромного инженера в ожидании аванса.

И хотя одевался Матвей странно – старые темные куртки на несколько размеров больше нужного, мятые беретки, растянутые свитера, это было не важно. Луиза поняла о нем главное: во-первых, он настоящий профессионал в своем деле и просто фонтанирует идеями, а во-вторых, очень добрый человек. Да и сериал «На темных улицах» оказался хорошо знакомым. Шел он уже не первый год, успел полюбитья многим, а уж просто узнавали отважных питерских полицейских буквально все телезрители.

Новая работа оказалась несложной и не требовала квалификации юриста. Она вообще ничего не требовала, кроме быстрых ног. Нужно было выполнять задания администратора – энергичной дамочки бальзаковского возраста, – но выполнять быстро и качественно. Звали дамочку просто Ольгой.

– А отчество? – Луиза совсем забыла о местных порядках, а женщине, по ее мнению, было уже «далеко за...».

– Меня можно без отчества. Ольга Шаповалова. Можно просто по фамилии. Я еще не старая.

Луиза пожала плечами. Да, среди юристов так обращаться к коллегам не принято. Но тут, как говорится, «со своим уставом в чужой монастырь...». Ольга, так Ольга! Тем более в этом «киномонастыре» девушке нравилось. Все было необычным и новым.

Раньше Луиза, как, впрочем, и любой телезритель, даже не догадывалась о тонкостях организации съемочного про-

цесса. Например: откуда берется снег летом или где достать слона? А сейчас она сама отвечала за множество вещей – реквизит, костюмы, еда и вода для актеров и группы. Зачастую съемочный день переходил в съемочную ночь. Девушка иногда ощущала себя этакой «белкой в колесе», которая бежит из последних сил, прилагая максимум усилий для того, чтобы просто держать темп, но ей это не просто нравилось, а добавляло адреналина. Ведь она наконец оказалась на «территории кино», то есть в мире своей мечты, и за это еще платили деньги.

Актеры оказались славными ребятами. Веселыми, спокойными, с чувством юмора, но мгновенно преобразавшись при слове «Мотор!». Сериал снимался уже несколько лет, они научились без слов понимать друг друга и были одной командой. Луизу Юнис приняли в эту команду так, как море принимает попавшие в его бездну ракушки – вода быстро смыкается над головой, и ты уже там, на большой глубине, и живешь по ее законам, удивляясь красоте подводного мира.

Луизе сразу понравилась Настя Капцова. Девушки были ровесницами, общие темы для разговоров нашлись тут же. Анастасия, как человек творческий, всегда была влюблена – это было ее хроническим состоянием, необходимой подпиткой для нежного организма. Один роман плавно перетекал в другой, а в настоящий момент Капцова была влюблена в Алексея Погудина, игравшего в сериале старшего лейтенан-

та Прокудина. Настя страдала (а как же!), но делала это тихо, предпочитая в перерыве между съемками донимать вопросами Луизу, которую выбрала себе в наперсницы. Начались все разговоры одинаково:

– Как ты думаешь, он ко мне равнодушен?

– Думаю, да! – искренне отвечала Луиза. – Вы же сейчас в кадре так целовались!

– Да ну... Это же моя героиня влюбляется в коллегу... по сценарию. Тем более она быстро разочаруется. Я тебя про другое спрашиваю.

– Как же про другое? Он тебя так целовал! – удивлялась Луиза.

Вообще, между реальной жизнью и киношной было много общего.

Например, сценарист специально дал героям имена, относительно похожие на настоящие имена актеров: героиня Насти Капцовой звалась Анастасией Купцовой, Михаил Оленин «стал» Михаилом Олейниковым, а Алексей Погудин «превратился» в Алексея Прокудина. Складывалось ощущение, будто актеры играли сами себя. Правда, это не касалось эпизодических персонажей.

Поэтому Луиза ничуть не удивлялась Настиной влюбленности в Алексея – по сценарию *ее героиня влюблена в его* героя, есть постоянные совместные сцены с поцелуями, вполне логично, что киночувство переросло в реальную влюбленность.

А еще Луизе было очень приятно, когда и Матвей, и администратор Ольга Шаповалова отмечали ее рвение и желание влиться в коллектив.

– Правильно стараешься! У нас или надрываться надо, или совсем здесь не работать. А ты хороший юрист? – как-то обратился к ней Матвей.

– Никто не жаловался, – честно призналась Луиза.

– Молодец! Ты толковая, у тебя получается!

Луиза зарделась от похвалы, а на следующий день Матвей ее повысил – перевел на должность сопродюсера, и теперь она должна была помогать не администратору Ольге, а главному человеку на площадке – режиссеру Матвею Усольцеву. О таком ей и не грезилось! Теперь она тоже могла (раньше было не по статусу) вслух цитировать любимого Хичкока.

– Я знаю идеальный способ вылечить больное горло: перерезать его! – и весело смеялась вместе с Матвеем, когда кто-то фыркал, не оценив цитаты.

Теперь Луиза подавала заявки на монтаж, озвучивание и съемку, внедряясь в процесс кинопроизводства все сильнее и сильнее. И девушка прямо-таки замирала от счастья – теперь работа стала ее любимым делом!

Поездку в Сибирь она восприняла как шанс проявить себя и, в перспективе, подняться еще на одну ступеньку по карьерной лестнице. Она будет работать самостоятельно, все подготовит к съемкам, а через несколько дней прилетит Усольцев и останется доволен. Луиза верила в свои силы, и

от этого было радостно.

Но идеальный план, как оно обычно и случается с идеальными планами, «приказал долго жить» уже на второй день. На утро была запланирована съемка в красивейшем ущелье недалеко от города. Однако, когда участники съемочной группы расселись по своим местам в автобусе, выяснилось – не хватает оператора Алика Царева.

– Забухал Царек... – предположил второй оператор Ким Васютин, – вчера весь вечер по гостинице с банкой пива мотылялся. Ким был худой, маленький и жилистый, и когда камера лежала на его плече, то казалось, что ноша слишком тяжела. А вот к Алику камера вписывалась: органично-крупный, с мощной шеей и налитыми мышцами, с кудрявой шевелюрой и будто бы мифическими зелеными глазами, которые цепляли и притягивали к себе. Вот такая броская киношная внешность, ему даже предлагали сняться в эпизоде, но Алик отшучивался, поясняя, что братья Люмьер, которые когда-то изобрели камеру, его не поймут.

Нужно было возвращаться в гостиницу (Луизе, а кому же еще?) и будить безответственного Царева. Каждый час на счету, откладывая съемки и пропуская съемочный день никак нельзя.

– Ждите, я скоро! – Девушка резво выскочила из автобуса.

На стук в дверь Царев не ответил. Луиза постучала сильнее, затем толкнула дверь, и та внезапно открылась. Оператор сериала «На темных аллеях» Алик Царев лежал на по-

лу около кровати. Луиза как-то сразу поняла, что он мертв. Поняла, и все тут.

Глава 3

Юля Сорнева за свою «газетную» жизнь научилась чувствовать неприятности задолго до их появления. Так опытная хозяйка без труда узнает по запаху, какие блюда готовятся на кухне, не заглядывая туда. На судьбу, проблемы эти подкидывающую, Юля не обижалась. Глупо жить, надеясь, что желаемое преподнесут тебе на блюдечке с голубой камочкой, а все беды достанутся другим. Каждое событие в жизни не случайно. Неприятности тоже. Главное – понять, зачем это случилось и какой урок ты можешь извлечь из случившегося. Главное-то главное, но как правильно прочесть знак судьбы? Прочесть и обойти неудобность в нужном направлении. Юлин коллега Вадик Тымчишин тоже видел в ударах судьбы пользу, соглашаясь с народной мудростью «за одного битого дают несколько небитых».

Но вот именно в этот раз Юля никаких неприятностей не чуяла. Казалось, все идет как надо, один сплошной позитив и единство творческих порывов. А потому, когда услышала в телефонной трубке плачущий голос Луизы Юнис, то сначала растерялась.

– Луиза! Какой труп?! Что случилось?!

– А-а-а-лик Царев. Умер! Прямо у себя в номере! Приезжай! – Девушка захлебывалась в рыданиях.

Юля сразу поняла – дело серьезное, с такими вещами не

шутят, и пообещала немедленно приехать. Но сначала нужно было поставить в известность главреда.

Планерка еще не закончилась, коллеги смотрели на встревоженную Сорневу с любопытством.

– Егор Петрович, мне нужно срочно уехать! У актеров что-то случилось. Похоже, у них оператор умер.

– Умер? Этого еще не хватало! Ведь мы их пригласили... Конечно, поезжай!

– Я с тобой! – быстро сориентировался Вадик Тымчишин.

Когда они выходили из кабинета, Юля услышала язвительный комментарий Милы Сергеевны – не смогла ответственный секретарь удержаться от «шпильки»:

– Сорнева, умеешь ты притягивать неприятности! Все у тебя не слава богу!

Коллеги уселись в выдавшую виды «Тойоту», и Вадик сорвался с места как заправский гонщик. Юлька только пискнула:

– Ремень! Ремнем не пристегнулась!

– Пристегивайся! Права Мила, вокруг тебя все время что-то случается.

– Я, между прочим, не просила тебя со мной ехать! – возмутилась Юлька.

– Молчи уже! Тебя одну отпускать нельзя!

Гостиница располагалась неподалеку, и сильно поссориться Юля с Вадиком не успели. Спустя десять минут журналисты уже поднимались на второй этаж в номер, где слу-

чилось пока неизвестное «страшное».

– Луиза «Скорую» вызвала? А полицию? Полиция на съемках сериала про полицию! Как тебе заголовок для сенсации? А снимать они дальше будут? – принялся болтать Тымчишин, видимо, здорово нервничая.

– Ну откуда же я знаю... – простонала Юля, – сейчас все и выясним.

– Юля, как хорошо! Ты приехала! – бросилась к ней заплаканная Луиза.

У приоткрытой двери в номер топтались, помимо сопродюсера, растерянная горничная в форменном платье и белом фартучке, крепкий мужчина с бейджем «Охрана» и блондинка средних лет с ярко-красными губами (директор гостиницы, как выяснилось впоследствии). Заглянув внутрь, Юля увидела мертвого оператора Алика Царева.

– Ты вызвала «Скорую»?

– Да! И «Скорую», и полицию уже вызвали! – Луиза кивнула на горничную.

– А что случилось? Вчера же было все нормально? – спросила Юля.

– Вчера – это было вчера, а сегодня – это сегодня, – философски, но совершенно не ко времени изрек Вадик.

– Что случилось? Что у вас тут? – появился врач «Скорой помощи».

Следом за врачом в номер Царева просочились и остальные.

– Я еще и полицию вызвала, – доверительно сообщила дамочка, оказавшаяся администратором.

– А вы кто? – поинтересовался Тымчишин у стоящей рядом женщины, словно был тут самым главным действующим лицом.

– Я, между прочим, директор гостиницы! – обиженно сообщила блондинка и пожевала губами. – А ваша Юля, – женщина показала пальцем на Сорневу, – у меня номера для актеров бронировала. А оно вот как получилось... – Директриса явно была возмущена безобразным поведением оператора, посмеявшего умереть в *ее* гостинице.

– Ну, кто ж знал? – Вадик не давал своих в обиду. – Они же кино снимать приехали, а не помирать. Он же не специально! Он, может, и не хотел вовсе. Он, может, пожить еще хотел! И Юля тут совсем ни при чем.

Луиза Юнис продолжала плакать: ей и Алика было жалко, и себя саму.

Все летит в тартарары! Как снимать дальше с одним оператором? Весь съемочный процесс под угрозой. Ее не только не похвалят за организаторские способности, но могут и уволить, а для нее это катастрофа: она без кино, как без воздуха – не сможет дышать.

Но, конечно, Алика было жальче. Она-то жива... Девушка сразу поняла, как только увидела лежащее на полу тело, что оператор бесповоротно мертв. Она пыталась нащупать пульс, но рука была холодной и безжизненной.

Юлька, в свою очередь, думала о том, как хрупка грань между жизнью и смертью. Кошмар! Еще недавно оператор был живой: пил пиво, строил планы на будущее, и вот...

– Может, сердце? – решила спросить она у врача.

– Нет, это убийство, – мрачно ответил тот. – Вашего коллегу убили.

В комнате повисла гнетущая тишина. Было слышно, как шуршат лежащие на карнизе за окном листья. Побледневшее лицо директора гостиницы цветом практически сравнялось с платиновой шевелюрой.

– Вот убийства нам не хватало! – воскликнула она.

Тут Юлька взяла себя в руки и вспомнила о профессиональном долге.

– Луиза, вспоминай, что вы делали вчера! – обратилась она к заплаканной девушке. Потом обошла вокруг лежащего тела несколько раз.

– Да я и не забывала... – обиделась Юнис. – Надо Усолцеву срочно звонить. Вот беда! Что же теперь будет?!

– Луиза, это важно! Расскажи про вчерашний день! – не отставала Юлька.

– Первый день съемок – это всегда раскачка. До обеда ты нам экскурсию по городу организовывала...

– Так это же всего на полтора часа, не больше.

– Мы в музее задержались: чай пили там, с какими-то ветеранами фотографировались...

– Не тяни, давай дальше! – Юля была нетерпелива: убий-

ство кинооператора – это вам не рядовой скандал в шоу-бизнесе!

– Дальше работали. Съёмки были на натуре, на поляне в парке, которую мы с тобой накануне смотрели.

– Царев был с вами?

– Конечно, он снимал. Еще гудел все время – света ему мало было. Теперь ничего не надо – ни света, ни кадра...

– В музее он тоже был?

– Был. Знаешь, я вспомнила! Алик же ваш, местный!

– Как наш? Ты ничего об этом не говорила.

– А ты не спрашивала, да я и сама не знала. Мы когда по городу в автобусе ехали, он со мной рядом сидел, в окно смотрел и как-то тихо сказал: «Вот там был мой дом, а рядом школа».

– Ты ничего не путаешь? – хором спросили Юля и Вадик.

– Да не путаю, не путаю. Нас потом экскурсовод отвлекла, и я про это забыла, а сейчас вспомнила. Точно, он про школу и про дом говорил, а потом я на другое переключилась.

Врач «Скорой помощи» тем временем закончил осмотр, снял перчатки и закрыл свой чемоданчик.

– Полицию дождемся. Здесь для них работа.

– Я старшая группы – Луиза Юнис. Скажите мне, что произошло, мне надо в продюсерский центр срочно докладывать.

– Успеете еще доложить. Я сначала с полицейскими переговорю. Впрочем, скрывать особо нечего. Смерть насиль-

ственная, наступила от удушения. Вашего коллегу сначала ударили по голове, оглушили, а потом задушили. На шее имеются кровоподтеки, переломы хрящей гортани. Все остальное только после вскрытия.

Луиза снова зарыдала. Она впервые видела труп так близко, и это было не киношное представление, а настоящая, реальная жизнь. Раньше смерть существовала где-то далеко от нее: на экранах телевизоров, на страницах газет, но чтобы вот так...

– Алик! Ну почему?!

– А вот и полиция, – врач обернулся к входящим в номер мужчинам.

Следственная группа состояла из пяти человек – вроде бы немало, но, войдя в помещение, они словно растворились в гостиничном номере, поскольку каждый немедленно занялся своим делом: один осматривал труп и проверял содержимое карманов, другой фотографировал, третий с помощью пинцета складывал в прозрачные пакетики предположительные улики вроде волос. Еще один о чем-то тихо говорил с врачом, держа в руках протокол. В это время эксперт обрабатывал ладони погибшего дактилоскопической пленкой, производил забор проб воздуха и упаковывал в пакеты стаканы, стоявшие на тумбочке.

– Следователь Сергей Уткин. А вы кто будете, молодые люди? – враждебно обратился к Юле и Вадику невысокий тщедушный мужчина.

Тымчишин, наблюдавший за работой следователей, ответил ему в тон:

– Мы те, кто вам всегда не нравится. Журналисты местной газеты.

Вадим своей неприязни к следакам не скрывал. Впрочем, неприязнь была взаимной. Каждая из сторон обвиняла противников, мол, только и делают, что «вставляют палки в колеса» и мешают работать.

– Очень интересное заключение, – раздраженно сказал следователь. – А здесь вы с какой целью? Сенсацию караулите?

Луиза поспешила снять напряжение.

– Меня зовут Луиза Юнис. Алик Царев... покойный... работал со мной. Это местные журналисты, наши друзья, я просила их приехать.

– Зачем вы просили? Могу я посмотреть их документы? Паспорт, например. И зачем нам тут журналисты? Я их не звал.

Пока Луиза объяснялась, Юля обдумывала свежую неожиданную информацию. Оказывается, Алик Царев был родом из ее родного города, но признаваться в этом не спешил. Или просто не считал нужным? Сорнева знала сколько угодно случаев, когда люди не хотят возвращаться в город своего детства. Причины бывают разными: и боязнь разочарований, и нежелание воскрешать в памяти события, ранящие душу до сих пор.

– Накаркали, дорогие коллеги, – тихо сказала она Тымчишину. – Кто там меня в гламурности нынче упрекал?

– Беру свои слова обратно.

– Теперь, похоже, к гладкому материалчику о кино надо добавлять убийство. Адская смесь.

– Знаешь, у нас в детстве такая загадка была пикантная: «В темной комнате на белой простыне...»

– Вадик, я тупая, ты мне сразу ответ скажи.

– Кино это, подруга. Самое обычное кино.

– Вадик, ты это к чему?

– Да ни к чему. Просто вспомнил. Ты же кино с ними снимала. Вот в кино всякое бывает. Чудеса происходят без причин, как и трагедии. Жалко парня. По пьянке так получилось, что ли? Кстати, а с кино у вас дальше как?

Луиза вытерла слезы.

– Завтра режиссер прилетает. Думаю, съемки продолжим без Алика. Добавим несколько съемочных дней, хотя это и плохо. Нам материал вовремя надо сдать, ведь условия проката нарушить нельзя. У нас договор жесткий и неустойки.

Тем временем следователь Уткин не успокаивался.

– А вы задержитесь, граждане журналисты. Расскажите мне, зачем приехали.

– Да мы, собственно, по звонку Луизы... – начала оправдываться Юля.

У нее была своя техника общения с представителями органов – прикинуться наивной дурочкой, впервые увидевшей

сотрудника полиции «живьем». Этот журналистский прием Тычишин цинично называл «косить под милую девушку». Но простенький прием срабатывал, потому как в роль «милрой девушки» Юлия Сорнева – журналистка, специализирующаяся на расследованиях убийств и прочих нехороших приключений, вживалась идеально. «Велись» даже самые опытные следователи. Вот и сейчас Юлия изо всех сил демонстрировала восторг и радость от слияния с миром того самого, которое «в темной комнате на белой простыне», и обязательно с красивыми героями и про любовь. Да, была у девушки мечта – написать о таком, а судьба-злодейка возьми и все переиначь.

– Вы знаете, я пишу про то, как в городе снимается кино! А здесь мы не видели ничего! Приехали, а он уже тут лежал. А у вас есть версии? – продолжала резвиться Юля. – А чем его задушили? А где орудие убийства?

– Девушка, какие версии?! Осмотр места происшествия идет полным ходом. Задушен оператор, а что и как, выясним. Это ведь не скоро делается, – тоном наставника объяснял Юле вмиг подобревший Уткин.

– А он один был или с гостями? Покойный, в смысле. В номере вроде чисто, прибрано, бутылок-стаканов нет.

– Я же вам говорю: обстоятельства изучаются.

– Конечно! Кто же у нас в городе преступление раскрывает по «горячим» следам! – не смог удержаться от едкого комментария Вадик.

– А вы, молодой человек, проедете со мной в отделение, – в отместку огорошил его следователь Уткин.

– Это вдруг почему? – Вадик был готов к бою.

– Для беседы. Может, и подписочку о невыезде с вас возьму.

– Ой, ну нет! Это же шофер наш просто. Он же меня из редакции подвозил. И совсем тут ни при чем! – пошла на попятный Юлька.

– А сказали, журналисты!

– Это я журналист. А он шофер, шофер, – затараторила девушка. – Мы вам свои координаты оставим, а нам в редакцию срочно надо, а то главный у нас суровый, знаете, как что, премии сразу лишает. – И говорила все быстрее и быстрее, по опыту зная, как не любят мужчины таких трещоток.

– Ладно, езжайте. Если понадобится, найдем, – сжалился следователь.

– Уходим! – Юлька схватила Вадика за руку. – Луиза, я на связи! Мы с Вадимом вниз спустимся, в холл.

Тымчишин был недоволен и брюзжал.

– Ну ты даешь! Шофером меня обозвала.

– А ты бы хотел сначала в «обезьяннике» посидеть, а потом перед Заурским оправдываться? Или мне оправдываться? Зачем ты начал нарываться?

– А он первый начал! – запальчиво сказал Вадик.

– Ага, Вадичек! Самое время выяснять, кто первый начал. Закон на его стороне. Раз видишь – не любит человек жур-

налистов, то и отойди в сторонку. Да и за что нашего брата любить? Не за что. От нас только одни проблемы.

– От тебя, подруга, точно, – согласился неблагодарный Тымчишин.

А Юлька его, между прочим, только что спасла.

Глава 4

Телефон у Луизы просто разрывался от звонков. Она ведь совсем забыла об остальных членах съемочной группы, терпеливо ждавших ее в автобусе. А потому, увидев на пороге номера Настю Капцову, Луиза испуганно ойкнула.

– Ты что тут застряла? Народ уже в бешенстве! – начала было возмущаться Настя, но постепенно выражение ее лица изменилось. – Что случилось? С Аликом что-то?

– Ваш коллега мертв, – следователь Уткин опередил Луизу. – А вы, как я понимаю, актриса Анастасия Купцова?

– Нет, я по паспорту Капцова. Купцова – это моя «киношная» фамилия, – привычно ответила Настя. – Кто мне скажет, что произошло?

– Так вас как в протокол записать? – смешался следователь.

– Капцова Анастасия Михайловна. Куда меня записать? Зачем?

– Вы же знакомы с убитым? Вот и надо вас опросить.

– Убитым? О господи! – вырвалось у нее. – Алик! Как, его убили? Как? Не может быть!

– Может. Вот мы сейчас это и выясняем, – бесстрастно сказал Уткин.

На самом деле следователь Сергей Уткин был в растерянности. Он первый раз видел в жизни живую актрису. Уткин

был поклонником известного сериала, а за приключениями красивого лейтенанта Купцовой наблюдал с особым удовольствием. Мужчина никак не ожидал встретить любимую актрису в своем городе, да еще при таких обстоятельствах.

– Давайте начнем сначала. С какой целью вы прибыли в наш город? – наконец справился с собой следователь. Ему очень хотелось, чтобы актриса обратила на него внимание.

– Мы тут серию очередную снимаем, – поспешила с ответом Луиза. – Я же вам рассказывала только что!

– Я не с вами сейчас разговариваю, а с... Анастасией, – замылся следователь, все же запутавшись в фамилиях свидетельницы. – Кстати, а почему съемки проходят именно у нас в городе? Более интересных городов не нашлось? Или как там у вас говорят? Натур?

– Не нашлось, – буркнула Луиза. – Ваш город нам подходит больше остальных, но, как оказалось, подходит не всем.

Если сейчас начать рассказывать про Юлькин звонок в продюсерский центр, про сходство Мишки Оленина с местным мэром, то следователь или ничего не поймет, запутается или, и это гораздо хуже, еще заподозрит кого-нибудь из актеров. Мало ли! Вроде как явились они в этот город не случайно, а по предварительному сговору. Не бывает ничего случайного, даже стечение обстоятельств закономерно. Например, Мастер и Маргарита в романе Булгакова тоже не случайно познакомились. При чем тут Мастер и Маргарита, Луиза объяснить не смогла бы даже самой себе. Может, по-

тому, что в романе столько сверхъестественных событий, а она только от одного впала в ступор. Ну кому нужно было убивать Алика? Зачем?

– Нам натура именно сибирская необходима, вот и приехали, – Луиза решила держаться этой правдоподобной версии. – Извините, я сейчас спущусь к автобусу, а то ребята ждут, волнуются... – и вышла из гостиничного номера.

– Попросите своих коллег покинуть автобус и пройти в кабинет директора! – крикнул ей вслед Уткин. – Мне нужно с ними побеседовать.

Луиза машинально кивнула, хотя видеть ее следователь уже не мог.

Автобус стоял на прежнем месте. Дверь была открыта, шофер дремал, а оператор Ким Васютин травил байки.

– Только крупный план, мои дорогие ребята, только крупный план, чтобы можно было герою в глаза заглянуть... О! Девушка Луиза! Ну, наконец-то! – Ким оживился. – И сколько мы будем Царька ждать? Давай уже работать, а завтра с ним разберемся, съемочный день терять преступно.

– Сегодня работать не получится. – Луиза вздохнула. – Вам надо всем подняться в кабинет директора гостиницы. Понимаете... случилось такое... в общем, Алика Царева убили!

– Убили?! Да что за бред! Кино давно кончилось! – воскликнул Васютин.

– Кончилось, Ким! Алика действительно убили. Это нам

всем не сулит ничего хорошего. Завтра должен Усольцев прилететь, тогда станет полегче.

– Не прилетит Усольцев, – вдруг произнес Оленин.

– Это почему? – удивилась Луиза.

– Да я с ним только что разговаривал, билет на самолет уже сдан.

– Как сдан? Не может быть. Как сдан, Миша?! Почему?

– У тебя слишком много вопросов. Сдан, и все. Молча. Ногу Матвей вчера вечером сломал. На лестнице споткнулся неудачно, как-то вот не по-геройски вышло, но факт остается фактом. Не прилетит он. Ну, ребята, вперед! Убийство оператора – это вам не стрельба холостыми в киношке, – и первым выскочил из автобуса. За Лениным неохотно потянулись остальные.

– Почему убили Алика? – гримерша Оксана Веселина не могла прийти в себя. Почему? Грабители?

– Пока непонятно. Говорят, задушили. Расследуют. Там полная комната полиции.

– Ой, как плохо для фильма! Очень плохо, – констатировал Васютин. – Ладно, пошли назад. «Кина» сегодня точно не будет. Кинщик, как оказалось, помер.

– Ким, не смешно, – оборвал оператора Оленин. – У нас у всех появились проблемы.

Актерско-творческая группа молча направилась в гостиницу. В голове колонны шла печальная Луиза Юнис. В холле она попросила:

– Ребята, посидите, пожалуйста, здесь несколько минут, я позову следователя.

Актер Алексей Погудин развалился в кресле и достал из сумки бутылку минералки.

– Н-н-да... Алик, преподнес всем сюрприз. Убили! Никогда бы не подумал. Мишань, зато сейчас посмотрим, как в жизни работает следственная бригада, которую мы старательно изображаем на экране уже несколько лет. Кстати, неплохо изображаем, судя по откликам зрителей.

– Ага! – подхватил Оленин. – А не кажется ли вам, дорогие коллеги... не слишком ли мы вжились в роли? В съемочной группе появился труп, а мы как-то спокойно к этому относимся, – не кричим и истерик не устраиваем? Парень-то еще вчера был жив-здоров и с нами работал.

– Ты за всех не говори! – возмутился Васютин. – Это вы просто циниками стали. Вообразили себя настоящими стражами закона, научились враз перевоплощаться. А мне Альку жалко.

– Ага, жалко! – не выдержав, съязвила Оксана. – То-то ты с ним последний год не общался и не здоровался даже.

– А это тебя не касается, – огрызнулся Ким, – просто прощелыга он...

– Ну вы что?! Самое время отношения выяснять! Эдак нас тут, в Сибири, надолго оставят... «до выяснения обстоятельств». Ты прав, Ким, мы стали циниками, – согласился Алексей. – Мы про что снимаем?! Про романтику работы

простого полицейского. Создаем, так сказать, образ положительного стража закона. Такая русская фантастика или даже сказка: хорошие ребята воюют со злом и, что интересно, всегда побеждают. А в реальной жизни как? Зарплата маленькая, больше половины дел – висяки. Вот и улучшают многие собственное благосостояние не вполне законными методами. Например, мзду берут с «ночных бабочек» или других асоциальных элементов.

– Ну... этих-то девчонок я бы не стал причислять к анти-социальным... Или как там? Асоциальным элементам? Один черт! Они свой хлеб честно отработывают, – счел нужным вступить за «ночных бабочек» Оленин. – Кстати! А у кого какие версии есть? За что Алика грохнули? Давайте, высказывайте, предполагайте... пока следователь не пришел. Сейчас ведь явится и начнет «чесать», как по сценарию: действие восемнадцатое, дубль пятый: где вы были вчера с двенадцати до двух часов ночи? Или с четырнадцати до восемнадцати дня, не суть.

– Алик был мужик скрытный. За ним много чего могло водиться... – многозначительно сказал Ким.

– Например? – в один голос спросили Михаил и Алексей.

– Без примеров... Это я так, предположил...

– Но ты ведь с ним и правда перестал общаться в последнее время? – насел Мишка. Что произошло?

– Да что вы ко мне привязались?! Погудин тоже с ним раньше выпивал, а потом перестал. Я Царька вчера вечером

с банкой пива видел. Шатался по коридорам. Я его предупредил: «Завтра рабочий день, не пей, Алик». А он только отмахнулся, мол, без тебя знаю, и дальше пошел. Он же сам себе режиссер.

– Но за что-то ведь его убили? Задушили даже? – удрученно спросил Михаил. А потом добавил: – Вчера его грохнули, а завтра и нас могут по одному.

– А нас-то за что? – испугался Погудин.

– А Царька за что? – парировал Оленин. – Да еще так далеко от дома. Получается, человек сюда прилетел, чтобы смерть найти.

– У него всегда проблемы с женщинами были, – напомнил Васютин.

– И? – удивился Погудин. – У меня тоже проблемы с женщинами. С ними, с женщинами то есть, всегда так – не знаешь, найдешь или потеряешь.

– А помнишь, в пятой серии... где мы с тобой ночью на захват выезжаем... тоже в убийстве подозревали жену, а потом убийцей оказался ее брат, – нашел Михаил подходящий пример.

– Да, съемки захватывающие тогда получились, – ностальгически вспомнил Ким. – Я тогда с операторского крана такие кадры «схватил». Только вот у жены Алика брата нет. Это я точно знаю. Но зато у него есть теща.

– Одна теща всех родственников стоит! – Погудин знал, о чем говорил: он был женат два раза, и в каждом браке тещи

давали свои идиотские советы дочерям.

Тут разговор был прерван внезапным появлением невысокого мужчины средних лет с залысынами. На его лице выделялись пухлые губы, которые придавали ему выражение обиженного ребенка. Костюм на мужчине сидел мешковато, словно был на размер больше. Следователь Уткин, а это был именно он, бесшумно приблизившись к членам съемочной группы, залебезил:

– Здравствуйте! Это вы и есть творческая группа сериала «На темных улицах»? – и сам себе ответил: – Да, знакомые все лица... Я, можно сказать, ваш преданный зритель... Сергей Александрович Уткин. Следователь. Никак не думал, что встретимся при таких странных обстоятельствах.

– А мы-то как не думали, товарищ Уткин! – сыронизировал Оленин.

– Да уж, такого кина мы точно не ждали. Просто «развесистая клюква»! – вырвалось у Васютина.

– Что, простите? – не понял Уткин. – Какая клюква?

– «Развесистая клюква» – означает нелепость ситуации. Да не берите в голову, – разозлился Оленин. – Не надо умничать, Ким! Не ко времени!

– Никто и не умничал... – пробормотал Ким.

– Прошу вас всех пройти в кабинет директора, там и побеседуем... – начал следователь, но неожиданно обернулся.

В холле появились два дюжих санитара с носилками. На носилках лежал большой черный мешок. Актеры невольно

вздрогнули, поскольку о содержимом пластикового мешка догадались сразу. А вот следователь Уткин был подчеркнуто невозмутим и лишь кивнул спускавшимся следом коллегам. Один из членов следственной группы махнул рукой, и Уткин неожиданно заявил:

– Хотя нет, в кабинет директора нам ни к чему. Пройдемте-ка лучше в номер. Эксперты уже закончили. Побеседуем, так сказать, поближе к месту событий, – и с хитрецей посмотрел на членов съемочной группы.

Ким Васютин с ошалевшим видом открыл рот, но возражать все же не решился. И актеры унылой вереницей потянулись вслед за Уткиным.

Наблюдавшая эту сцену Луиза Юнис подумала, как кинематографично все выглядит – будто снимают очередную серию их сериала. Но, в отличие от съемок, в реальности все были растеряны и ошеломлены случившимся.

И никто так и не заметил, как один человек облегченно вздохнул, думая про себя: «Нет человека – нет проблемы! Слишком много он испортил мне крови, но нашлась и на него управа».

Глава 5

Юле Сорневой иногда казалось, что «чайный уголок» в редакции – это настоящая аномальная зона. Бермудский треугольник. Здесь всегда пропадали ложки, сколько бы их секретарь Валентина ни покупала. Складывалось впечатление, будто чайные ложечки собираются вместе, а потом исчезают в неизвестном направлении. И где-то есть такое место – «любимый ложкин уголок», в котором им лучше, чем в редакционных столах. По крайней мере, заливая кипятком растворимый кофе, приборов Юля вновь не обнаружила.

На работу Юля и Вадик Тымчишин вернулись, подчеркнуто игнорируя друг друга. Вадик был на Юлю обижен. И между прочим, совершенно напрасно: она же хотела как лучше, ограждала его от следователя. Потому и назвала шофером. А он надулся! Видите ли, у него болезненное самолюбие! Понижение социального статуса больно ранило его нежную журналистскую душу! А подписка о невыезде, замаячившая на горизонте, так это пустяки! Но обижаться подолгу Юля не умела.

– У тебя ложечки случайно нет? – обратилась она к Вадиду, решив, что первым должен мириться тот, кто умнее.

– Нету, я ручкой кофе размешивал, – отозвался Тымчишин.

– Понятно. Шариковой ручкой я тоже могу. Но хочется

ложечкой.

Вадик пододвинул Юле коробку с сахаром-рафинадом, и обе стороны поняли: перемирие состоялось. Тут «подтянулись» коллеги и немедленно начали любопытствовать.

– Ну, что там у твоих артистов случилось?! – жадно вопрошала Мила Сергеевна.

– Ничего хорошего. Убийство. Оператора убили в гостиничном номере. Алик Царев, Царьком его все звали. Пока не очень понятна картина. Там следственная бригада работает, – Юля пожала плечами.

– Хоть строк на пятьдесят – для первой полосы – ты собирала?

Мила Сергеевна интересовалась не просто так: через несколько часов нужно сдавать макет номера главному редактору. Если Юля успеет написать об убийстве на съемочной площадке, а она, Мила Сергеевна, успеет вставить текст в номер, то успех обеспечен – тираж раскупят влет.

Впрочем, можно обойтись и «лидом» – яркой зацепкой, анонсом большой статьи в следующем номере. «Лид» должен сразу же бросаться в глаза – кегль (то есть размер шрифта) побольше, плашка (то есть заливка фона) поярче, плюс обещание настоящей сенсации. Разве плохо звучит: «Кто убил питерского оператора?» Хотя нет. Так слишком банально, шаблонно и слишком прямо. Убийства случаются часто, убивают персон и поважнее какого-то оператора. А нужно, чтобы «лид» моментально привлек внимание читателя, но

почти ничего не сказал по существу. Чтобы читатель заинтересовался, но ничего не понял и обязательно купил газету. Вот еще вариант: «Драма на съемочной площадке известного сериала». И не важно, что драма случилась в гостинице, а вовсе не на съемочной площадке. Нужно заинтриговать читателя, создать сенсацию, возбудить интерес. Уж Мила Сергеевна, отдавшая профессии десятки лет, знала в этом толк. Ведь новость – это прежде всего эмоции!

– Конечно, Мила Сергеевна, я напишу... надеюсь, успею, – согласилась Юля.

И тут читатель может подумать: «Какая черствая, бессердечная женщина, эта Мила Сергеевна! Умер человек, а ей лишь бы успеть сдать статью в номер. Откуда это равнодушие?» Но будет не прав. Так уж устроены журналисты и сотрудники редакций. Назовите это, если хотите, профессиональной деформацией, но в любых условиях и любых ситуациях они сначала думают о том, пойдет ли та или иная информация в номер, а потом уже начинают сострадать и сопереживать.

– Только просьба, Сорнева: побольше напряжения, живописуй все так, чтобы читатель ахнул, – и отнюдь не бессердечная Мила Сергеевна умоляюще прижала руки к груди. – Ты можешь, если хочешь!

– И поменьше умничай, – наставительно добавил Тымчишин. – Кстати, Мила Сергеевна, к вам наши чайные ложечки в гости не заходили?

– Какие ложечки, Вадик! Я свою ложку в сейфе держу. Как оставлю на столе, так она пропадает.

– А-а-а... вот, оказывается, как надо... – протянул Вадик. – В сейфе! Но сейф в редакции только у вас и у Заурского. Юлька, а где мы будем хранить свои ложечки? Если найдем, конечно.

– Не мешай, я уже работаю! – отмахнулась девушка.

Через полчаса текст был готов и отправлен главреду. Егору Петровичу статья понравилась, однако не обошлось и без «подводных камней»: оказалось, об убийстве приезжего оператора Царева уже доложили мэру.

– Юля! – поморщившись, приступил к делу Заурский. – Понимаешь, ситуация выходит из-под контроля. Мэру все представили как конфликт на бытовой почве. Как дальше, непонятно. Но, кажется, материалы «про то, как в нашем городе снимается кино», потеряли актуальность.

– Егор Петрович, да как это «потеряли актуальность»? Убийство действительно произошло, я ничего не выдумала! Но сериал они все равно продолжают снимать. Не возвращаться же им назад несолоно хлебавши! – возмутилась Сорнева.

– Ты уверена? Точно продолжают?

Главный редактор сибирской газеты «Наш город» Егор Петрович Заурский никогда не давил на авторов. Наоборот, предпочитал обращаться выдержанно и даже ласково, выслушивал все аргументы, авторитетом без нужды не подавлял и, если с авторами бывал не согласен, всегда объяснял,

почему не согласен и как нужно сделать, чтобы обрести консенсус, и поэтому еще раз повторил свой вопрос:

– Кино точно продолжат снимать?

– Да! Уверена, Егор Петрович. Мне кажется, Луиза Юнис – крепкая профи. Конечно, убийство оператора – это ЧП. Им придется менять планы, но у них еще чуть больше недели на все. Луиза справится, продолжит снимать. Хотя... еще ведь тело придется в Питер отправлять... Но, Егор Петрович! Я уже и название для материала придумала, и концепцию выстроила! Как же так!

– Ну, давай! – Заурский подумал, что «кино кино», а убийство убийством – две разные истории, глядишь, хоть с одной что-нибудь да выгорит.

– Помните песню «Снимается кино»? – воодушевилась Юля. – Там еще есть такая классная строчка: «Четвертым справа в кепке я лежал». Вот так я статью и назову. Луиза мне предложила сняться в эпизоде – в роли прохожей с собачкой, которая идет и все время оглядывается на героя. То есть я как раз испытаю на себе, как это быть «четвертым справа». Как вам?

– Идея мне нравится! – честно признался Заурский.

Юлю он считал хорошим журналистом – ведь почти каждая ее статья становилась «гвоздем номера», и в ее чутье на хороший материал верил.

– Значит, материал о съемках фильма я готовлю? На разворот?

– Хорошо, будем считать, договорились. Но у меня есть личная просьба.

– Какая? – Девушка почувствовала подвох.

– Давай на этот раз ты не будешь писать материал про убийство оператора съемочной группы. Я найду, кому это поручить. Раз ты с актерами уже начала творчески работать, надо и продолжать.

– То есть вы хотите перевести меня в светские хроникеры? В гламурные журналистки?

– Сорнева, что за мода засорять родной язык дурацкими искусственными словами! Что такое этот «гламур»? В переводе с английского «роскошь, блеск». А у нас уже как ругательство звучит. Тебе любые темы по плечу, у тебя талант, и не придумывай, никуда я тебя не перевожу.

– Угу, талант... Вадик Тымчишин прав – у меня талант влипает в разные истории. А еще инициатива наказуема: придумала интересное про актера и мэра, а вы сразу же: «Пиши, Юля, статью!» Написала, а тут мэр с этой творческой встречей. И кто все организовал? Снова Юля – чудом нашла и уговорила приехать. И что дальше? Опять все я: ищу для них машину, организую экскурсии, творческие встречи, вожу в музей. Мало того, кому Юнис позвонила, когда про убийство узнала? В полицию? Нет, Юле Сорневой. А вы хотите, чтобы я материал кому-то отдала?! Это разве справедливо?!

– Юля, услышь меня. Давай поступим так: статью с за-

мечательным названием «Четвертый в кепке» пишешь сама, раз уж ты все это придумала. Это больше обсуждать не будем. А материал про убийство оператора я все-таки хочу поручить кому-то другому, либо Попову, либо Коростылевой. Мне кажется, ты начала «выгорать» на криминале и нужно взять паузу.

Юля насупилась и соглашаться не спешила.

– Нет, Егор Петрович, так не пойдет! Актеры «мои». Я их, если хотите, придумала, привезла, сопровождала и сопровождаю. Так нечестно! Не могу я убийство кому-то отдать. Не могу. Убийство не отдам. Буду писать сама.

– Не надорвешься?

– Егор Петрович! Это я только с виду нежная и беззащитная, а на самом деле очень даже сильная и выносливая!

– Ну смотри. Тогда, будем считать, договорились. Завтра с планом журналистского расследования ко мне, – и встал, намереваясь проводить Юлю. Про себя Заурский торжествовал: все-таки он сделал так, чтобы Юля сама согласилась писать обе статьи, не отдала интересную тему, ведь профессиональная жадность – это хорошее качество для журналиста. Пожалуй, Сорнева лучший журналист в газете, толковый. После него, конечно. И главред засмеялся, вполне довольный собой.

Глава 6

Актриса Настя Капцова делала все, чтобы не показать своего испуга постороннему. Она улыбалась и бойко отвечала на вопросы следователя Уткина, не забывая при этом контролировать свою мимику. Настя боялась, что следователь задаст ей провокационный вопрос, а у нее не окажется правильного ответа.

Следить за лицом Настя умела с детства. Мама – актриса Театра юного зрителя – часто ей говорила: «Мимика может сыграть с тобой злую шутку, Настя. Ты все время хмуришься». Мама считала, что многое в жизни человека определяет именно выражение лица. Окружающие склонны считать человека таким, каким он выглядит. Чем мрачнее физиономия, тем хуже люди думают о ее обладателе, а значит, тем больше конфликтов и проблем возникнет в отношениях с ними. И на самого человека, даже если он ни с кем не общается, может влиять собственное обличье – смотришь в зеркало на свою унылую физиономию и становишься все хуже и хуже.

Мамины уроки пришлись как нельзя кстати. Настя научилась улыбаться по поводу и без, демонстрировать белоснежные зубки и произносить: «Очень рада вас видеть», так, как будто она действительно рада. Такие нехитрые приемчики срабатывали почти всегда – Настю считали приветливой и

доброжелательной девушкой.

Настя всегда хотела стать актрисой, но не такой, как мама, играющая «репок» и «зайчиков», а известной, как Одри Хепберн или Софи Лорен, не меньше. Она верила в свою счастливую звезду, представляя, как поступит в театральный, сразу же получит яркую главную роль, которую сыграет так, что режиссер ахнет и будет всегда предлагать главные роли в своих фильмах только ей одной. Фильм с ее участием станет призером международных фестивалей, известные кутюрье наперебой будут предлагать ей лучшие платья для выхода на «красную дорожку». Зрители, конечно, станут рукоплескать и просить автографы, а журналистам придется побороться за право получить коротенькое интервью звезды Анастасии Капцовой.

В театральный вуз Настя действительно поступила с первого раза. Ну, подумаете, папа – известный на весь Питер пластический хирург – обратился к ректору со скромной просьбой: помочь единственной дочери. К прихотям дочери он относился спокойно, потакал ей во всем, и если бы Настя захотела поступить в любой другой престижный вуз, расстарался бы и тут. Главное, считал папа, чтобы дочке было интересно, а работать по специальности вовсе не обязательно. Всегда можно хорошо выйти замуж.

Но зато мама была счастлива: «Ты – продолжатель династии! Твоя бабушка была кассиром в нашем театре, а мы с тобой уже актрисы. Будешь служить в нашем театре!» Ста-

ромодное слово «служить» применительно к Театру юного зрителя казалось Насте забавным, но она благоразумно молчала, не желая расстраивать маму. Хотя самой Насте было ясно – ее творческая деятельность будет совсем другой.

Училась Настя хорошо, поскольку ей было интересно, без проблем получила диплом, а вот дальше... Дальше возникли непредвиденные трудности. Ни в один театр Анастасию Капцову не пригласили. Для девушки это стало ударом. А еще обиднее было оттого, что другие студенты, которых Настя считала не столь талантливыми, получили места в хороших театрах.

Снова в дело вмешался папа – Настя снялась в кино, в маленьком эпизоде, надеясь, что ее заметят. Не случилось. Собственно, Настя сама себя почти не заметила – так, промелькнула в толпе ее фигура, а может, даже и не ее. Получалось, что талант актрисы – а Настя упорно продолжала считать себя обладательницей сего редкого дара, нуждается в папиной поддержке. Однако папа, к огромному Настиному удивлению, неожиданно заартачился.

– Понимаешь, дочка, в вашем творческом деле знакомства играют очень незначительную роль. Режиссерам нужны нестандартные актрисы, яркие, непохожие на других. Причем у каждого режиссера свой любимый типаж. Вот ты, например, в каком амплуа себя видишь (папа был подкован в театральном деле)? Я же должен понимать, к кому лучше обратиться, а то предложат что-нибудь такое... не такое...

– Пап, я, конечно, хочу «героиню» играть, но у меня же опыта нет...

– Тогда попробуй себя в мамином театре, пока не появится роль посерьезнее. Это очень достойный театр, – папа отнесился к маминому театру с должным уважением.

Настя Театр юного зрителя, где мама прослужила всю жизнь, тоже любила. Театр располагался в центре Санкт-Петербурга, рядом с Адмиралтейством, причем место это имело поистине богатую историю – на месте плаца Семеновского полка сначала был выстроен ипподром, во время войны располагалась зенитная часть, отражавшая налеты вражеских самолетов, и только в начале шестидесятых построили современное здание ТЮЗа. Девочкой она обожала бывать на спектаклях и от души смеялась, когда в ласковой собачке или свирепой кикиморе узнавала свою маму. Но любовь любовью, а посвящать свою жизнь юным зрителям Настя вовсе не планировала. Девушке хотелось большего, в мечтах она продолжала представлять себя на «красной дорожке».

– Хорошо, пап, я подумаю, – расстраивать отца любящая (и прагматичная) дочь вовсе не собиралась.

От участи репки, зайчика или кикиморы Настю спас случай. Девушка частенько заходила в кафе Дома актеров, поскольку жила по соседству. Именно там ей и улыбнулась судьба, принявшая облик однокурсника Мишки Оленина. С Мишкой у Насти были своеобразные отношения: они вроде бы и дружили, причем частенько она делилась с ним тем, что

и подругам не рассказывала; но при этом Михаил оказывал ей особые знаки внимания и любил повторять: «Мы с тобой одной крови, Настя, и если что...» В любом случае с ним было весело, и Настя знала, где Мишка, там всегда много света, жизни и воздуха.

Вот и сейчас, едва увидев ее, Оленин расплылся в улыбке, будто поймал солнечный зайчик.

– Насть, привет! Как дела? Слушай, я тут в одном простеньком сериале снимаюсь: оперативника играю.

Конечно, Оленин мог себе позволить назвать сериал простеньким, поскольку уже играл в постановке чеховской пьесы «Дядя Ваня» обедневшего помещика Илью Телегина.

– Молодец, Мишаня, горжусь тобой! Снимаешься в кино, играешь в театре, – отчасти искренне радуясь за друга, отчасти с завистью сказала Настя. – А мне похвастаться нечем. Скоро к маме в ТЮЗ начну проситься...

– Не, это пока рано! А давай ты к нам попробуешься на роль! – обрадованно предложил Мишка.

И начал рассказывать о том, что за проект такой. Оказалось, один известный продюсерский центр решил снять сериал «На темных улицах» – о нелегкой борьбе честных и храбрых полицейских с преступностью. В каждой серии свой отдельный сюжет, отдельное детективное расследование. Главные герои одни и те же. И вот, отсняв четыре серии, продюсеры и режиссер решили ввести в историю женский персонаж. Девушка с погонями, мол, увеличит зрительский

интерес, а мужчинам на съемочной площадке будет поднимать настроение.

– Режиссер меня и спросил, нет ли кого на примете? А я как раз о тебе вспомнил. Я уже звонить хотел, а тут ты сама легка на помине. Приходи на пробы – у тебя получится. Да и девушка ты симпатичная, нашей мужской компании пригодишься.

– Ты серьезно? – обрадовалась Настя.

– Серьезней некуда.

– Ой, спасибо, Мишка! – восторженно закричала она.

В сериал Анастасию Капцову взяли. То ли протекция Оленина сыграла роль, то ли Настя понравилась режиссеру, а может, и в образ «попала» идеально, но теперь у нее была постоянная работа. Игра Анастасии давалась легко – отправляясь на поиски преступников, допрашивая подозреваемых, сочувствуя потерпевшим, – она словно была самой собой. А вскоре Настю стали узнавать на улицах, просить автограф, а число посетителей ее аккаунтов в социальных сетях выросло в несколько раз. Девушка была счастлива: да, сыграть Офелию ей, видимо, не суждено, но и в том, чтобы быть «лейтенантом Купцовой», имелись свои прелести и достоинства. И она ценила свой новый статус, была готова его оберегать.

Единственное «но» – Анастасии не везло в любви, отношения с мужчинами не складывались. Мишка Оленин смотрел преданным влюбленным взглядом, но продолжал оставаться в статусе друга. А Насте хотелось настоящих чувств!

Безумств страсти в сочетании с абсолютной верностью.

Настя постоянно влюблялась и каждый раз искренне верила, что к ней пришла любовь всей ее жизни. Влюбленность была ее перманентным состоянием, поскольку дарила девушке крылья. Влюбившись, Настя все время находилась в отличном настроении и готова была играть целыми днями, без перерывов на сон и еду. Расстаться с возвышенным чувством она была не в состоянии, любовь становилась для девушки наркотиком.

И каждый раз все заканчивалось быстро и плохо. В любовных отношениях Анастасия наступала на одни и те же грабли, а потом, рыдая, никак не могла уразуметь, почему же ее бросил очередной возлюбленный. А объяснялось все очень просто: Настя была слишком податливой и мягкой, была готова бесконечно подстраиваться под каждого из своих мужчин. Мужчины это чувствовали, но, будучи по сути своей охотниками, не ценили «добычу, которая приходит сама». В женщине, которая достается «без боя», ценности так же мало, как в измученном перевозками из теплых стран заморском плоде авокадо. Нет в нем вкуса, так, преснота одна.

Роман с оператором Аликом Царевым начался внезапно и бурно. Однажды в перерыве Царев подошел к девушке и, улыбнувшись, спросил:

– Настя, ты хочешь посмотреть рабочие съемки? Мне кажется, тебе нужно меньше жестикулировать. Вот сама увидишь!

Настя сначала хотела Алика отшить: мол, его дело за камерой стоять, а играть она будет, как режиссер скажет, но потом передумала. И вовсе не из-за желания творческого самосовершенствования. Была в нем какая-то грубая мужская сила, одновременно отталкивающая и привлекающе-манящая.

– Правда? Ну, хорошо. Если ты так думаешь, давай посмотрим. – Девушка не вполне понимала, действительно ли проблема в ее жестах, или это предлог для встречи.

После съемочного дня они с Аликом задержались в павильоне и просмотрели весь рабочий материал. Настя была вынуждена согласиться – да, руками она иногда машет так, что заполняет весь кадр. Девушка была благодарна Цареву – мог ведь и промолчать, а ей, Насте, потом досталось бы от режиссера.

– Алик, спасибо! Ты такой молодец! И очень красиво мои глаза снял, и взгляд получился проникновенный!

В ответ Алик притянул ее к себе и поцеловал. Вполне по-хозяйски, как будто они давно живут вместе и конфетно-букетный период остался далеко позади. Они стали встречаться, благо у Насти была своя квартира (папин подарок) в историческом центре. Казалось, Алик заморозил ее, как факир с дудочкой замораживает кобру. Только, в отличие от кобры, Настя радостно и по собственной воле подчинялась своему повелителю, даже не помышляя о свободе.

Мишка Оленин по-прежнему тоскливо смотрел на девушку и время от времени вздыхал, но Настю это начало раз-

дражать. Оленин казался ей человеком, неспособным на поступки. То ли дело Алик Царев! Одна шевелюра и глаза насыщенного бутылочного цвета чего стоят.

Роман на съемочной площадке скрыть нельзя. Настя чувствовала, что выдает сама себя, когда пытается любой эпизод сыграть лучше и ярче, чтобы Алик отметил и похвалил. Однажды гримерша Оксана, накладывая Капцовой пудру и румяна, как бы между прочим сказала:

– Настя, а ничего... у Царева вообще-то семья есть... жена в том числе...

– Он женат? – растерялась девушка.

– Ну вот... да. Разузнала бы, прежде чем роман крутить. Жена у него, кстати, ревнивая. Ты подумай хорошо. Оно тебе надо?

Настя еле дождалась конца съемочного дня, чтобы поговорить. В душе было противно, словно там поселились мерзкие и холодные лягушки. Как только девушка села в машину – Алик привычно ждал ее у входа, – откладывать объяснение не стала:

– Ты мне почему не сказал, что женат?

– А ты меня не спрашивала, – ничуть не смутившись ответил он. – Да и вообще, какая разница? Я разве обещал жениться?

Разница была, и существенная: Насте хотелось обрести мужчину своей мечты, а вовсе не чужого блудного мужа. Она никого не собиралась уводить от уютных домашних тапочек

или выяснять отношения с чьей-то женой.

– Больше мы встречаться не будем! – отрезала Настя.

– Как скажешь, – легко согласился Царев и, определенно даже не расстроился. Он словно переступил через нее, как спешивший через ступеньку, и пошел дальше не оглядываясь.

Сейчас все эти эпизоды вихрем пронесли в ее памяти. Настю беспокоило только одно – следовательно может найти в телефоне Царева ее обнаженные фото. А вдруг несимпатичный Уткин уже обо всем знает? А Насте так хотелось поскорее забыть историю с оператором! Как она тогда будет оправдываться? И что скажет Алексею Погудину, на которого сейчас «ведет дамскую охоту»?

Глава 7

Утром у двери редакции Юля и Вадик обнаружили котенка. В этот день они, не сговариваясь, пришли на работу пораньше.

– Ой, какой симпатичный! – восхитилась Юля.

Котенок был маленький, темно-серый и доверчиво смотрел яркими голубыми, как васильки, глазами.

– Давай его в редакцию заберем, – предложила она.

– Вот у нас только кота и не хватало, – поморщился Тымчишин. – Хочешь, тащи. Мне, в общем, все равно. Я сегодня не в форме, голова болит. Мне не до кота.

У него действительно раскалывалась голова. Вчера вечером в гости зашли одноклассники, все закончилось коньяком и разговорами до утра. Ребята работали во вторую смену и могли спать до обеда, а вот Вадик утром еле собрался и пошагал на работу писать материал, надеясь потом отпроситься пораньше – домой, отлеживаться. Юля уловила запах перегара и не сдержалась:

– Тымчишин, ты вчера пьянствовал?

– Было немного, – согласился он.

– Понятно, почему у тебя голова болит и ты котенку не рад.

– Я, подруга, ничему не рад. Башка трещит невозможно. Хотел дома поработать, но флешка с материалом в редакции

осталась, вот и притащился с утра пораньше. Буду кофеем отпаиваться.

– А я котенка покормлю.

– Сорнева, у тебя удивительная способность всех спасать – и людей и котов, – Вадик проглотил таблетку, налил кофе и прихлебывал «напиток бодрости» из большой кружки, чувствуя, как головная боль потихоньку уходит.

– Вы представляете! – громко возвестила о своем появлении корректор Надя Метеля. – Я зашла в хлебный: купила сосиску в тесте, чтобы съесть по дороге. Откусила, а там кусок пластмассы – чуть зуб не сломала. Вот о чем надо писать, как людей травят! – возмущалась девушка. – Прямо готовая тема для статьи!

Вскоре появилась и Мила Сергеевна. Ответственный секретарь с неудовольствием воззрилась на картину «Утро в редакции»: безответственный Тымчишин прихлебывал кофе и продолжал страдать, распространяя устойчивый запах перегара; сердобольная Сорнева стояла на коленях перед котенком, лакающим молоко (молоко Юлия позаимствовала в общем редакционном холодильнике – некоторые сотрудники предпочитали пить кофе с молоком); а эмоциональная Метеля громко возмущалась беспринципностью изготовителей сосисок в тесте и размахивала руками, в одной из которых был зажат пресловутый кусок пластмассы.

Мила Сергеевна не удержалась и тоже всплеснула руками: – И эти люди делают газету! Вы себя организовать не мо-

жете! Юля, зачем ты котенка притащила?

– Милочка Сергеевна, не ругайтесь! Я не притаскивала, он тут уже был – сидел под дверью, а мне просто стало его жалко. Я сегодня объявление на «кошачьем» форуме напишу, вдруг кто отзовется и себе заберет, – начала оправдываться Юля.

– Котов нам еще не хватало, – согласился с Милой Тымчишин.

– А ты, Вадик, просто боишься конкуренции с ним не выдержать, – отшутилась Юля, хотя настроение у нее было тревожное.

Впервые в своей журналистской практике она должна была написать два противоречивых материала. Да не просто противоречивых, а принципиально разных. Зря она пожадничала, пусть бы главный отдал материал про убийство оператора ее коллеге Коростылевой. Ан нет, вцепилась, как будто ей больше всех надо. Видимо, действительно так.

Получается, теперь именно Юля несет ответственность за то, как будут выглядеть киношники в глазах жителей их города. А она ведь симпатизирует Луизе Юнис и ребятам из съемочной группы. Поэтому выхода у нее нет: выложиться придется «на все сто», статья о том, как у них в городе снимается известный сериал, должна быть с яркими подробностями, киношными приколами, плюс с ее личной историей о съемках в эпизоде. А через номер уже будет другая – история-расследование об убийстве в гостиничном номере пи-

терского оператора Алика Царева. И не факт, что обойдется без конфликта интересов: киношники ей дали шанс написать отличную статью о съемках, а она им удружила – написала про убийство.

– Ты как, подруга? Вся в сомнениях? Лучше бы Маринке Коростылевой материал отдала, а сама бы продолжала «гламурничать». Жаба задавила? Еще не поздно передумать... – Тымчишин будто читал Юлины мысли.

– Вадик, у меня часть проблем в жизни как раз из-за тебя!

– Из-за меня? Ну ты великая сказочница! – искренне удивился он.

– Конечно! Если бы ты вчера в гостинице «не нарвался» и следователя не разозлил, я могла там что-то узнать. А так пришлось тебя своим телом прикрывать и отходить на безопасные позиции.

– Наконец нашла виноватого? Я же шофер. По-твоему, с шофера какой спрос?!

– Может, уже начнете работать? Тебе, между прочим, Тымчишин, пора материал сдавать, – не выдержала Мила Сергеевна.

– А с пластмассой, которая в булке, что делать? – поинтересовалась Надежда Метеля.

– Выкинуть и больше в этом магазине ничего не покупать! – отрезала Мила Сергеевна.

– Ладно, Юлька, не обижайся! Я бы тоже свою тему никому не отдал. Мне нужен час, чтобы написать, а потом я готов

тебя к Луизе отвезти, – пошел на мировую Вадик.

– Пиши, не отвлекайся. Я сначала сама попробую. Позвоню им, узнаю, как дела. Вчера же все съемки отменили, – и взялась за телефонную трубку.

Луиза ответила сразу же, но разговаривала слабым, едва слышным голосом:

– Юля? У меня голова болит невозможно.

– Вы сегодня все сговорились? – удивилась Сорнева.

– Кто – все? – не поняла Юнис. – У меня голова болит сама по себе.

– Да это у нас в редакции у некоторых товарищей тоже болит голова, – пояснила Юля. – Луиза, мне надо с тобой встретиться. Какие у тебя планы? Когда твое начальство приезжает?

– Не приезжает мое начальство, – печально ответила девушка. – Ногу оно сломало.

– Как?

– Да вот так. Оно же тоже живое, в смысле начальство. Бегает, крутится, прыгает. Вот и допрыгалось. Никто не придет. Я тут одна, как тополь на Плющихе.

– Тополей, между прочим, на Плющихе было три. И два сейчас к тебе приедут. А что разгребать все тебе одной, так это знакомое дело. Кто везет, того и погоняют.

– Не рви мне душу, Юля. Ладно, приезжайте, «тополь» и «тополица». Или «тополиха»? И будет нас трое, как в кино. Я через полчаса буду в форме.

Юля нажала кнопку «отбой» и крикнула Тымчишину:

– Вадик, у тебя сорок минут, и потом мы едем!

– Услышал! Обязуюсь шедевр к этому времени закончить.

А кормить будут?

Тут стоит упомянуть о том, что гостиница, в которую поселили питерских гостей, до уровня пятизвездочного отеля никак не дотягивала. Да и откуда бы взяться такому отелю в маленьком сибирском городке? Но здание было основательное, в стиле «сталинский ампир», с длинными неудобными коридорами и красными ковровыми дорожками. Мебель в номерах была скромно-дешевой, кондиционеры отсутствовали, а летом, конечно же, на месяц отключали горячую воду.

– Поскупилась наша мэрия на гостиницу, – заметил Вадим, когда они с Юлей поднимались в номер Юнис.

– Вадик, администрация полностью оплатила проживание. А дареному коню, сам знаешь, никуда не смотрят.

Когда Луиза открыла дверь, Вадик присвистнул. Лицо девушки напоминало яичную скорлупу – если вареное яичко покатаешь по столу, как раз так и будет выглядеть скорлупа – мятая и вся в мелких трещинках.

– Обалдеть! Сколько же ты вчера выпила, Луиза? Вроде бы тебя в нашей компании не было.

– Сам ты пьяница! Не доставай ее! – бросилась Юля на защиту. – Не обращай внимания – у Вадика вчера гости были, а сегодня он зол и мрачен. Думаю, ясно почему.

– Если бы напилась! – жалобно сказала Луиза. – Проревела весь вечер, вот и выгляжу на сто лет.

– На девяносто девять, – смилостивился Вадик.

– Давай на завтрак, мы тоже с тобой кофе выпьем, – командовала Сорнева. – Там и лицо в порядок придет.

В гостинице был «шведский стол». Однако все блюда на этом столе можно было пересчитать на пальцах одной руки: омлет, сосиски, хлопья, нарезки сыра и колбасы.

– Очень впечатляет! – пошутил Тымчишин. – Ладно, подруги, я угощаю!

– Атракцион неслыханной щедрости, – съязвила Юля. – Придется объесть тебя на бутерброд с колбасой. Иди за кофе!

Юля с Вадимом сели за столик, следом подошла и Луиза с тарелкой омлета.

– Рассказывай! – нетерпеливо попросила Юля.

– Да что рассказывать... напилась вчера вся группа. Я ничего сделать не могла, никто меня не слушал. Всем Царька было жалко. Мы с Настей сидели с ними, сидели, а толку-то... Потом пошли в мой номер и плакали.

– Поня-я-я-я-тно... – Юлька смотрела с сочувствием.

– Погудин теперь может запить, да и Ким в этом смысле тоже ненадежный. А может, и не сорвутся. По плану съемки сегодня с часу дня, а пока не ясно, кто в состоянии будет работать. Начальство меня кинуло, пресса сейчас жрать с потрохами будет. Нескучная у меня нынче жизнь, товари-

щи журналисты. Вы поди тоже про убийство страшилку писать будете?

– Да не бойсь, продюсерша! Сорнева будет писать, – кивнул Вадик в сторону приятельницы. – Она просто вызвала огонь на себя: за материал в редакции буквально дрались. А Сорнева, как известно, своих не сдает. Верно, Юлька?

– Верно, товарищ защитник! – согласилась Юля. – Только ты, Луиза, должна мне помочь и рассказать все как есть. Давай прямо сейчас и начнем! Мне это очень важно, я понимаю, что на мне тоже лежит ответственность за вашу репутацию. Я ведь вас сюда заманила. Вопрос первый: кто желал смерти оператору Алику Цареву?

– Я Алика не убивала, я не знаю, – Юнис чуть не подавилась омлетом.

– Луиза! Надо вспомнить все, до мельчайших подробностей. За точку отсчета берем тот разговор, когда Алик признался, что он родом из нашего города.

Глава 8

Отец Алексея Погудина был известным актером. Еще в школе на мальчика показывали пальцем: «Смотри, вон сын „Строгого“ идет!»

«Корабль „Строгий“» – так назывался фильм, в котором Погудин-старший сыграл роль героического мичмана, спасшего корабль и команду. В конце фильма героя подло прикончили враги, и «Строгий» ушел на новое задание без него. Алексей смотрел фильм много раз и фактически знал его наизусть: в детстве плакал, когда папу убивали злодеи, а став подростком, начал гордиться отцом и силой его актерской игры.

Погудин-старший дома бывал редко, большую часть времени проводя в разъездах: на съемках, репетициях и спектаклях. Из питерского театра его пригласили в Москву. Мать-домохозяйка боготворила своего «Лешечку», но в столице жить не хотела. В Санкт-Петербурге она была не только женой известного актера, но и дочерью известного академика. Правда, академик с супругой давно уже покоились на кладбище, да и брак дочери с молодым (и нищим) актером в свое время не очень приветствовали. Но, кто старое помянет... И терять нынешний статус ей вовсе не хотелось.

– Ну ее, Москву эту. Людей там толпы, дышать нечем, того и гляди, тебя затопчут.

– Только там и жизнь, Манечка! – смеялся Погудин-старший.

– Не называй меня этим колхозным именем! – сердилась она. Маму Алексея звали Марией, но грубой «Маше» она давно предпочитала изысканную «Мари». Романтично и элегантно! Положение жены известного актера обязывает, и надо соответствовать!

– Манечка ты! Как ни крути, Манечка – Маняша! – шутил отец.

Предложение известного московского театра отец все же принял. Собрался второпях и уехал, пообещав в ближайшее время вернуться и перевезти в столицу семью. А вскоре, случайно услышав разговор матери с подругой, Алексей понял, что в семье происходит неладное.

– Она там у них «прима» молодая... – шмыгала носом мама.

– Да... От всех молодаяк мужа не убережешь! – сочувствовала подруга.

– Теперь он подал на развод. Хорошо, мой папа до этого не дожил!

– Вот как раз папа твой – академическим авторитетом и мог его удержать.

– Мог! – согласилась мама и начала плакать. – Что же мне делать?

Следующим утром, накрыв стол к завтраку, мама сообщила Алексею:

– Мы с папой разводимся. У него в Москве другая семья и скоро будет ребенок.

– Он нас бросил? – поинтересовался Алексей.

– Ты можешь с ним общаться. Я не буду возражать.

– А как же ты? А Москва?

– Школу закончишь здесь, а потом, если захочешь учиться в Москве, я не буду препятствовать.

Тогда Алексей не пошел в школу, а целый день прослонялся по городу. Обида душила, не давала свободно вздохнуть. Привычный мир, в котором было так хорошо и комфортно, рухнул в одну минуту. Мальчик твердо знал: все происходящее неправильно, так быть не должно.

– Тоже мне, взрослые, называются... Никакой ответственности! – рассерженно бубнил он. А потом решил, что должен совершить «нечто», чтобы заставить отца вернуться к ним с мамой. И поздним вечером, повинувшись некому неясному порыву или просто желая дать выход накопившимся отчаянию и гневу, сорвал шапку с прохожего и бросился бежать.

– Ты куда?! Ах ты, дрянь такая! – Мужчина догнал подростка и схватил его за ухо.

Домой Алексей Погудин-младший вернулся в сопровождении двух милиционеров. Мама пришла в ужас и вызвала из Москвы отца. Погудин-старший приехал на следующий день и был нервно-весел, словно прибыл на семейный праздник.

– Ты что же это, дружок, вытворяешь?! Так не годится!

– Это слова из твоей новой роли? – мрачно осведомился

Алексей, поскольку ему было неприятно видеть отца.

– Не смей так разговаривать с отцом! – вмешалась мама. – Он приехал тебе помочь! Тебя могут посадить за грабеж!

– А пусть посадят! Пусть все узнают, какой у знаменитого артиста сын! Сын-преступник!

– Зачем ты так говоришь, Алексей? – возмутился отец. – Какой ты преступник?! Это у тебя сложный подростковый период. Мы вместе все преодолеем. Ты, я и мама.

– Нет никаких вместе! – заорал Алеша. – Нет! Ты нас предал! Видеть тебя не могу! Да лучше в тюрьму! В тюрьму, чем тут, с вами! Ненавижу вас! Ненавижу! – Он кричал так громко, что почти физически ощущал, как его ненависть приобретает форму вроде искрящихся электрических разрядов. Потом Алеша увидел, как эти искрящиеся шары сближаются и взрываются, полыхая белыми и голубыми огнями, дико вскрикнул и потерял сознание.

Следующий месяц он провел в Клинике неврозов. За это время отец уладил все проблемы, заплатил моральную компенсацию владельцу шапки и уехал обратно в Москву, к своей новой семье. К Алексею в больницу он приходил один раз, но разговора не получилось.

– Ты, сынок, если что... звони... я приеду... – заискивающе говорил отец.

Алексей молчал и рассматривал трещину на подоконнике. Трещина была большой и напоминала оскаленный рот. Когда его выписали из больницы, мать уже устроилась на рабо-

ту в архив и из «Мари» превратилась просто в «Марию Ивановну». А еще Алексей решил стать актером, чтобы доказать отцу, насколько он умен, трудолюбив и талантлив. Пусть отец пожалеет о собственной низости и подлости, когда поймет, какого замечательного сына потерял!

Способности к лицедейству у Алексея Погудина-младшего оказались хорошими. А еще юноша рано понял, что талант актера заключается в умении вызывать эмоции не только у окружающих, но и внутри самого себя, по-настоящему «проживая» каждую роль. Про внешние данные и говорить не приходилось – заинтересованные женские взгляды Алексей ловил на себе постоянно.

Он легко поступил в театральный вуз и с блеском его закончил. На втором курсе Алексею предложили сняться в историческом фильме, и вот уже он выискивал в учебном графике «окна» для следующих съемок. Карьера складывалась успешно, но, как ни странно, Алексей не был счастлив. А все потому, что в титрах его фамилию писали как «Погудин-младший». То есть каждое появление Алексея на экране было свидетельством его успеха и одновременно напоминанием об отце. Отец к тому времени сошел со сцены и жил, или даже прозябал, где-то в Подмосковье. С одной стороны, это наполняло Алексея восторгом свершившейся мести, но с другой – словно оголяло все нервы и ни на секунду не давало забыть об отцовском предательстве. Получалось, Алексей так и не начал жить своей собственной жизнью, оставаясь в

плону глупых детских обид.

– Может, отца повидаешь? – как-то спросила мать. – Он звонил, жаловался на болезни.

– Нет! И закрыли тему, мама! – Алексей был категоричен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.